

На правах рукописи

КОТОВА Татьяна Александровна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЛАГЕРЯХ ДЛЯ
ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В 1945-1952 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Москва - 2018

Работа выполнена на кафедре истории России
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**Научный
руководитель:** **МОСЕЙКИНА Марина Николаевна**
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:** **АНТОШИН Алексей Валерьевич**
доктор исторических наук, доцент,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»,
профессор кафедры востоковедения
Департамента международных отношений

РОДИОНОВА Надежда Александровна
кандидат исторических наук,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»», доцент Школы
исторических наук

**Ведущая
организация:** **Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный
университет» (РГГУ)**

Защита состоится «__» _____ 2018 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.203.03 при Российском университете дружбы
народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (Научная библиотека)
Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул.
Миклухо-Макляя, д. 6.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Е. В. Кряжева-Карцева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы повседневной жизни перемещенных лиц после Второй мировой войны обусловлена, прежде всего, возросшим интересом в современной историографии к изучению человека в истории. Важной и актуальной проблемой данного исследования является реконструкция материально-бытовой стороны повседневности людей в тесной связи с их ментальностью и стратегиями выживания в экстремальных условиях послевоенного времени. Вопрос о советских перемещенных лицах, их жизни в чужой стране, возвращении на родину либо эмиграции после тяжелейших испытаний остается одним из наименее изученных в исторической науке.

Данные проблемы имели международный характер и находились в центре внимания таких организаций, как Администрация помощи и восстановления Объединённых наций – ЮНППА (United Nation Relief and Rehabilitation Administration) и Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц – ИРО (International Refugee Organization), в дальнейшем ООН и др. В международном праве появилась категория перемещенные лица (ДиПи – от англ. displaced persons), к числу которых относились бывшие остарбайтеры, военнопленные, узники концлагерей и др. Значительную их часть составляли выходцы из СССР, а также русские эмигранты первой волны, проживавшие на момент окончания войны в Западной Европе. В этой связи изучение повседневной жизни перемещенных лиц, способы их выживания в условиях неопределенности правового статуса и дальнейшей судьбы, представляет большой научный и общественно-политический интерес.

Данная проблема актуализируется также в связи с тем, что из числа советских перемещенных лиц, принявших решение не возвращаться на родину, сформировалась вторая волна русской эмиграции, центры которой из Европы и Азии переместились в Северную и Южную Америку, что требует научного объяснения.

Актуальность темы исследования вызвана и последними событиями в европейских странах, где миграционный кризис выявил проблему регулирования миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока, вследствие чего появилась потребность в создании лагерей, перехватывающих и сортирующих мигрантов за пределами ЕС, а также экстерриториальных транзитных центров в приграничных зонах. Все это делает актуальным изучение исторического опыта решения судьбы миллионов перемещенных лиц, оказавшихся в послевоенной Европе.

Объектом исследования являются перемещенные лица – выходцы из России и СССР, ожидавшие после окончания Второй мировой войны решения своей судьбы в специальных лагерях на территории европейских государств.

Предмет исследования – повседневная жизнь перемещенных лиц, их материально-бытовые условия, образ жизни, культурные практики повседневности, характер взаимоотношений между людьми на разных этапах их жизненного цикла.

Методологические основы исследования базируются на комплексном подходе с использованием элементов междисциплинарного исследования и привлечением таких направлений, как социальная история, микроистория, история повседневности. В этой связи в работе особое внимание уделяется анализу повседневной жизни и материально-бытового положения обитателей лагерей для перемещённых лиц – представителей разных социальных групп и категорий.

Микроисторический подход позволяет на материалах частной жизни в отдельных европейских лагерях перемещенных лиц реконструировать исторические условия выживания человека в экстремальных условиях послевоенного времени.

Принципы объективности и историзма являются основными в данном научном исследовании. В частности, принцип историзма служит базовым фундаментом в исследовании исторических фактов. Принцип объективности дает возможность изучения объекта во всем его многообразии, с учетом всей совокупности фактов благодаря введению в научный оборот широкого круга источников.

В работе применялись общенаучные методы, такие, как логический, проблемный, диалектический, а также специально-исторические – историко-типологический, историко-сравнительный, методы системного анализа и критического анализа источников и др. В частности, историко-сравнительный метод применялся для выявления общих черт и особенностей материально-бытовых условий проживания в различных лагерях перемещенных лиц. Этот метод являлся основополагающим для решения основных задач данного исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945-1952 гг. Нижние хронологические рамки связаны с окончанием Второй мировой войны и деятельностью Администрации помощи и восстановления Объединённых наций – ЮНРРА, по созданию лагерей на территории послевоенной Европы и размещению в них беженцев и перемещенных лиц. Верхние хронологические рамки обусловлены прекращением деятельности

Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц – ИРО, созданной в 1947 г., и закрытием последних лагерей в связи с возвращением перемещенных лиц на родину либо их выездом на постоянное место жительства в третьи страны.

Цель диссертационного исследования состоит в реконструкции и осмыслении содержания и особенностей повседневной жизни в европейских лагерях перемещенных лиц из числа выходцев из России и СССР в 1945-1952 гг.

Достижение данной цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

– проанализировать международный опыт решения проблемы беженцев и перемещенных лиц в послевоенный период, определить роль международных и эмигрантских организаций в расселении и урегулировании правового статуса ДиПи;

– выявить численность, социальный и национальный состав перемещенных лиц;

– определить специфику деятельности лагерей для перемещенных лиц, дать характеристику их структуры и локализации;

– раскрыть характер трудовой занятости и материальное положение находившихся в лагерях людей, особенности их быта;

– проанализировать систему образования и воспитания детей и молодежи в лагерях ДиПи;

– реконструировать духовную жизнь и культурные практики повседневности перемещенных лиц как условия их адаптации и выживания.

Состояние научной разработанности темы. Появление истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого следует рассматривать в контексте «историко-антропологического поворота», начавшегося в гуманитарных науках в конце 1960-х гг. Основоположниками этого направления в западной историографии явились немецкие и итальянские исследователи в области микроистории, а также представители французской школы «Анналов». Основные методы и приемы истории повседневности в качестве самостоятельной концепции, а также соотношение подходов микроистории и истории повседневности были раскрыты в исследованиях А. Людтке, Х. Медика и др.¹

Перспективность философии повседневности в изучении прошлого первыми обозначили французские исследователи, которые поставили задачу восстановления истории в ее всеохватности и целостности, не ограничиваясь

¹ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М., 1999; Ханс Медик. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193-202.

одной лишь политико-событийной, экономической или военной стороной. Подобный историко-антропологический подход был положен в основу работ М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя – представителей известного направления, группировавшегося вокруг созданного в 1950-е гг. журнала «Анналы»².

Другой подход представлен трудами П. Берка и ряда американских (Н. З. Дэвис) и немецких (Х. Медик) исследователей. С их точки зрения, историческая антропология предстает лишь как одно из направлений социальной истории, «инструментом» которой является «социальный микроскоп»³.

Методологические аспекты социальной истории и истории повседневности, изучающих человека в различных взаимосвязях и ситуациях, представлены также в трудах отечественных исследователей – Н.Н. Козловой, Л. П. Репиной, А. К. Соколова, А. С. Сенявского, Н. Л. Пушкаревой, О. С. Поршневой, Л. Н. Мазур, которые акцентируют внимание на ментальной составляющей истории и ее влиянии на человека в социальной среде⁴.

Важное значение для данного исследования имеют труды российских и зарубежных историков – С. В. Журавлева, Е. Ю. Зубковой, Ш. Фицпатрик, В. С. Тяжельниковой, Н. Лебиной, в которых осуществлен анализ повседневной жизни советского общества 1920-1980-х гг. и ее трансформации, мотивации труда людей той эпохи, механизма функционирования общественного мнения и т.д.⁵

² См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и «Школа Анналов». М., 1993.

³ Берк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 272-283.

⁴ Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Она же. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998. М., 1999; Сенявский А. С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности. Сб. науч. статей. М., 2001. С. 4-17; Она же. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 25-34; Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19; Она же. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история: ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93-113; Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: учеб. пособие. Екатеринбург, 2005; Она же. «История повседневности» как методология исторических исследований // Феномен повседневности в философском измерении: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 19-20 октября 2011 г.). Екатеринбург, 2011. С. 63-69; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2010 и др.

⁵ Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Она же. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2008; Тяжельникова В. С. Домохозяйство горожан в 1960-80-е гг.: структура и стратегия

Человек и общество «в экстремальных условиях вооруженных конфликтов», а также гражданское население, которое переживает их последствия, являются объектом изучения военно-исторической антропологии. В трудах Е. С. Сенявской анализируется фронтовая повседневность отечественной армии, затрагиваются такие вопросы, как особенности военного быта, восприятие времени и пространства на войне, приметы и суеверия у солдат, психология боя⁶.

Военно-историческая антропология через анализ самоощущения человека изучает также быт военного плена, проблемы психологии и ментальности человека, оказавшегося в экстремальных условиях военного и поствоенного времени. Так, раскрывая мотивы поведения заключенных Тагиллага, О. С. Поршнева и М. В. Долинова приходят к выводу о том, «что повседневные привычки и бытовое поведение военнопленных были обусловлены прежде всего культурными и национальными традициями тех стран, гражданами которых они являлись в мирное время».⁷ Проблемы воздействия плена и пленных на региональные и локальные институты, вопросы политико-идеологических манипуляций и социокультурных отношений людей в плену раскрываются в трудах О. С. Нагорной, Н. В. Суржиковой, Е. Б. Беловой.⁸

Значительный интерес для исследуемой темы представляют работы, посвященные истории Второй мировой войны и ее последствий для граждан СССР и представителей российского зарубежья. Среди ведущих центров изучения истории новейшего времени и истории российского зарубежья, в частности, следует назвать Институт российской истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и другие вузы и академические институты⁹.

экономического поведения // Отечественная история. 2006. № 4. С. 3-32; *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015 и др.

⁶ *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135-145; *Она же.* Пространство и время в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / Отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М., 2007. С. 152-170; *Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017 и др.

⁷ *Поршнева О. С., Долинова М. В.* Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943-1949 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. № 2. С. 135.

⁸ *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М., 2010; *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014; *Белова Е. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

⁹ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. М., 2010; Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2015; Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва–Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред.

В работах В. Б. Жиромской исследуется проблема жизненного потенциала послевоенных поколений, проводится его историко-демографический анализ, в рамках которого специальное внимание автор уделяет влиянию демографических последствий войны на население СССР¹⁰.

Значительный научный вклад в изучение данной проблемы внес В. Н. Земсков, в работах которого проанализирована история репатриации в СССР и в этой связи – состав и численность перемещенных лиц, деятельность проверочно-фильтрационных лагерей, через которые проходили советские граждане, а также судьба людей, вернувшихся на родину.¹¹

Среди трудов российских историков следует выделить также фундаментальную монографию П. М. Поляна «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе, и их репатриация»¹², которая отличается широким кругом привлеченных источников из российских и зарубежных архивов, а также взвешенностью оценок.

К судьбам перемещенных лиц и проблемам реэмиграции дипийцев в третьи страны обращались отечественные исследователи в связи с изучением истории российской эмиграции¹³. В трудах члена-корреспондента РАН Е. И. Пивовара показано, что формировавшаяся в послевоенный период новая волна эмиграции была «жертвой исторического процесса, вынужденной делать тяжелый выбор между отторгавшей ее родиной и

Ю. А. Петров. М., 2015; Великая Отечественная: к 70-летию народного подвига: мат-лы межд. науч. конф. «Ялта-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте «острых» вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны «холодной»», Симферополь-Москва, 18-19 марта 2015 г. / науч.-ред. совет: И. А. Анфертьев, А. Н. Артизов, А. Б. Безбородов, Е. И. Пивовар и др. М., 2015; Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом / Пивовар Е. И. (рук.). М., 1999; Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Ред. колл. С. В. Карпенко, С. И. Дробязко, Е. Н. Евсеева и др. М., 2004; *Безбородов А. Б.* Красная Армия в Австрии: гарант стабильности или оккупационная сила? // Вестник архивиста. 2005. № 4. С. 185-186; *Хавкин Б. Л.* Россия и Германия. 1900-1945: сплетение истории. М., 2014; *Он же.* Беженцев из рейха никто не хотел принимать. Эвианская конференция 1938 г. открыла путь к Холокосту // Независимое военное обозрение. 2018. № 24 и др.

¹⁰ *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. (1946-1960). М., 2009; *Она же.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2013; *Она же.* Демографические последствия Второй мировой войны в СССР // Военнопленные в Советском Союзе. Люксембург, 2017. С. 5-11 (пер., фр.) и др.

¹¹ *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1945 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26-41; *Он же.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945. М., 2004. С. 24-32; *Он же.* Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М., 2005; *Он же.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947-1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941-2001. М., 2007. С. 63-91; *Он же.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944—1952 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. С. 244-284.

¹² *Полян П. Н.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

¹³ *Жуков А. Ф., Жукова Л. Н.* История и судьба российской эмиграции. Вторая волна эмиграции. 1939-е – 1950-е гг. СПб., 1998; *Полоскова Т. В.* Судьбы перемещенных лиц // Дипломатический вестник. 1998. №10. С.77-79; *Нитобург Э. Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 11-26; *Мосейкина М. Н.* Формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 2. С.70-81; Эмигранты и репатрианты XX века. Слепухинские чтения-2014. М., 2015 и др.

враждебной чужбиной».¹⁴ При этом ученый акцентирует внимание на важности изучения истории повседневной жизни рядового человека и его семьи, «оказавшихся на отдельных исторических пространствах в непривычных для них условиях».

Судьба представителей российской военной эмиграции, процесс стагнации и угасания общественно-политической деятельности военных эмигрантских организаций за рубежом в послевоенный период получили отражение в работах В. Ф. Ершова.¹⁵

В работах А. В. Антошина и прежде всего в его монографии «Российские эмигранты в условиях холодной войны (середина 1940х – середина 1960х гг.)» анализируется широкий спектр идейно-политических установок российских эмигрантов в годы войны, модель их политического выбора в послевоенный период, что помогает определить место и роль эмигрантов в процессе идеологической конфронтации на начальном этапе холодной войны.¹⁶

В работах отечественных исследователей З. С. Бочаровой¹⁷, И. В. Сабенниковой¹⁸ анализируется процесс правового регулирования положения беженцев в разные исторические периоды, раскрывается значимость для эмиграции проблемы возвращения на родину, показана деятельность основных международных институтов в послевоенный период, включая Международную организацию по делам беженцев.

По теме нашего исследования важную группу представляют публикации, непосредственно посвященные международной проблеме перемещенных лиц после Второй мировой войны, истории создания и деятельности лагерей ДиПи. Деятельность ряда международных и эмигрантских организаций по спасению и защите ДиПи, их адаптация в лагерях для перемещенных лиц и дальнейшая судьба, связанная с

¹⁴ Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-культурный феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 447; *Pivovar Efim I. The Russian Emigration: the Sociohistorical Phenomenon, its Role and Place in the Cultural and Historical Legacy.* St.-Petersburg, 2013 и др.

¹⁵ Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. М., 2000; *Он же.* Российское военное зарубежье в 1945-1980-е гг: стагнация и угасание // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. М., 2007.

¹⁶ Антошин А. В. Российские эмигранты в условиях холодной войны (середина 1940х – середина 1960х гг.). Екатеринбург, 2008; *Он же.* Российские эмигранты Первой послереволюционной волны после Второй мировой войны: эволюция повседневности // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 247-257; *Он же.* На фронтах Второй мировой и “холодной” войн: русские эмигранты в 1939–начале 1945-х гг. Т. I. // Русский мир в XX веке. М., 2014 и др.

¹⁷ Бочарова З. С. Феномен зарубежной России в 1920-х годов. М., 2014; *Она же.* Начало формирования «второй» волны эмиграции // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001 гг. М., 2007. С. 14–23.

¹⁸ Сабенникова И. В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе, 1926–1951 гг. // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. М., 2007. С. 14–23; *Она же.* Идеи реализации гражданского общества в русской постреволюционной эмиграции // Гражданское общество в России и за рубежом. М. 2016. №1. С. 29-33.

последующей эмиграцией в США, Италию и другие страны, анализируется в работах Т. И. Ульянкиной¹⁹, М. Г. Талалая²⁰, М. К. Меняйленко.²¹

В исследованиях К. В. Болдырева, А. А. Корнилова, М. В. Шкаровского, Н. А. Родионовой, Т. С. Шугайло на примере лагерей Ди-Пи в Германии, Австрии, Италии и через личную судьбу их обитателей раскрываются различные аспекты повседневной жизни перемещенных лиц, анализируется роль духовенства разных конфессий в процессе адаптации людей к трудным условиям послевоенного времени и их переселении в третьи страны²². Одной из культурных практик повседневности лагерей ДиПи являлась периодическая печать и издательское дело. История издательской деятельности в лагерях ДиПи получила отражение в многочисленных трудах П. Н. Базанова²³.

В эмигрантской историографии, представители которой раньше других обратились к истории послевоенной волны русской эмиграции, жизнь обитателей лагерей ДиПи анализируется в работах В. Бондаренко, М. В. Назарова, Н. Д. Толстого, В. Р. Полчанинова и др.²⁴

В зарубежной историографии первым к данной теме обратился профессор Гарвардского университета Дж. Фишер – один из активных

¹⁹ Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.

²⁰ Талалай М. Г. Эмиграция, диктатура, свобода: российское консульство в Неаполе и его подопечные в первой трети XX в. (по материалам Государственного архива г. Неаполя) // Россия – Италия: этико-культурные ценности в истории. Сб. материалов конференции / Сост. и ред. М. Г. Талалай. М., 2011. С. 68-77; *Он же*. Вторая волна русской эмиграции в Италии и проблемы репатриации // Эмигранты и репатрианты XX века. Слепухинские чтения-2014. М., 2015. С. 409-425 и др.

²¹ Меняйленко М. К. Деятельность русских эмигрантов первой волны по защите в послевоенной Европе русских беженцев от насильственной репатриации в СССР // Русское зарубежье: История и современность: сб. ст. М., 2014. С. 232-240.

²² Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110-141; Корнилов А. А. На реках австрийских. Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945-1952). Нижний Новгород, 2006; Корнилов А. А., Кинстлер А. В. Педагогическая интеллигенция и духовенство лагеря перемещенных лиц Менхегоф // Интеллигенция и мир. № 2. 2016. С. 40-54; Шкаровский М. В. Русская церковная эмиграция в Италии в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Нансеновские чтения. 2009. Спб., 2010. С. 308-314; Родионова Н. А. Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний В. К. Болдырева, И. В. Халафовой, А. И. Жедилягиной) // Нансеновские чтения 2009. Спб., 2010. С. 454-466; *Она же*. Повседневная жизнь Русского Заграничного Исторического архива (РЗИА) сквозь магический кристалл человеческих судеб (по материалам пражской Славянской библиотеки) // Население России: историко-демографическое измерение / Сост.: В. Б. Жиромская; отв. ред.: В. Б. Жиромская, Ю. Петров. М., 2016. С. 240-250; Шугайло Т. С. Русская эмигрантская печать в США о проблемах перемещенных лиц в середине 1940-х – 1950-х годов // // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 239-247 и др.

²³ Базанов П. Н. Издательства и периодика «Ди-Пи» // Книга. Культура. Читатель. Спб., 1998. С. 135-143; Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX в. Спб., 2003; Базанов П. Н. «Дипийские» книги, издательства и периодика русских эмигрантов (1945–1951 гг.) // Альманах Библиофил. 2011. № 8. С. 66-110; *Он же*. Очерки периодических изданий русской эмиграции (1945–1988 гг.). Спб., 2013.

²⁴ Бондаренко В. Архипелаг «Ди-пи». Возвращение второй волны // Вече. Мюнхен. 1991. № 42. С.175-190; Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996; Полчанинов Р. Менхегоф и соседние лагеря // За свободную Россию. NY. окт. 2006. С. 3-6 и др.

участников т.н. «Гарвардского проекта»²⁵ и автор книги «Советская Оппозиция. Исследования периода Второй мировой войны», в которой он выразил свое отрицательное отношение к насильственной выдаче советских граждан и одновременно положительно оценил роль послевоенной волны русской эмиграции, значительной частью осевшей в США и включившейся в пропагандистскую кампанию холодной войны²⁶. К работам общего характера можно отнести также статью Б. Грайнера «В ожидании настоящей жизни / судьба перемещенных лиц в Западной Германии», в которой анализируются проблемы репатриации из лагерей, отношения между ДиПи и оккупационными властями, судьбы перемещенных лиц и т.д.²⁷

Особое место в зарубежной историографии занимают работы французских левых журналистов Р. Де Жувенеля и А. Герэна, идейное содержание которых было идентично позиции советских историков по вопросам послевоенной репатриации²⁸.

В наибольшей степени в зарубежной литературе, в частности, в работах И. Бауэра, Д. Бибера, А. Гробмана, М. Бреннера изучалась жизнь евреев в лагерях для перемещенных лиц, а также проблемы, связанные с их дальнейшей иммиграцией²⁹. В работах американских исследователей Л. Динерштейна, О. Бьюрианека, Г. Хаима раскрывается роль западных союзников и США, а также ЮНРРА в освобождении и сохранении жизни большого количества беженцев³⁰.

В целом, анализ российской, эмигрантской и зарубежной историографии позволяет сделать вывод о недостаточной изученности рассматриваемой проблемы. Статус и судьба ДиПи в послевоенный период, особенности их повседневной жизни, которые непосредственно связаны с историей второй волны эмиграции, не получили должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Зарубежными авторами в

²⁵ Гарвардский проект – это проект по политико-социологическому исследованию советского общества (первоначально назывался Harvard Refugee Interview Project, затем – Harvard Project on the Soviet Social System (HPSSS)), проведённому созданным в 1948 г. Центром русских исследований Гарвардского университета при финансировании ВВС США посредством интервьюирования бывших советских граждан.

²⁶ Fisher G. Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War 2. Cambridge, 1952.

²⁷ Грайнер Б. В ожидании настоящей жизни / судьба перемещенных лиц в Западной Германии. В пер. Наумова Н. // Уроки истории XX века. – 6 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа / <http://urokiistorii.ru/node/52621>

²⁸ Жувенель Р. Де. Армия наемников. М., 1952; Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972.

²⁹ Bauer Yehuda. Flight and Rescue: Bricha. New York: Random House, 1970; Biber, Jacob. Risen from the Ashes. San Bernardino, 1990; Grobman Alex. Rekindling the Flame: American Jewish Chaplains and the Survivors of European Jewry, 1944–1948. Detroit, 1993; Brenner Michael. After the Holocaust: Rebuilding Jewish Lives in Postwar Germany. Princeton University Press, 1997.

³⁰ Dinnerstein Leonard. America and the Survivors of the Holocaust. Columbia University Press, 1982; Burianek Otto Bedrich. From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945. Diss., Emory University, 1992; Genizi Haim. America's Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952. Detroit, 1993.

большей степени оказалась изученной жизнь представителей еврейского населения в лагерях ДиПи, которое во время войны пострадало в наибольшей степени.

Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные источники.

В диссертации использованы материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и архива Библиотеки-фонда «Русское зарубежье имени А. И. Солженицына», а также ресурсы электронных архивов музея Русской культуры в Сан-Франциско³¹ и Американского мемориального музея Холокоста³².

Исследование основано на информации четырех видов источников.

Первую группу источников составляют нормативно-законодательные документы. Среди них особую ценность для объективного анализа изучаемой проблемы имели такие документы, как «Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года»³³, «Конвенция о статусе беженцев 28 июля 1951 года»³⁴ и др.

Вторая группа источников представлена делопроизводственными документами. К ней относятся нормативные документы – уставы, циркуляры и другие официальные материалы международных организаций - ЮНПРА³⁵, ИРО³⁶, Американского Еврейского комитета³⁷, которые позволяют выявить характер политики международных организаций в отношении беженцев и перемещенных лиц в исследуемые годы.

Особый научный интерес представляют неопубликованные делопроизводственные документы международных организаций, советских государственных учреждений, их внутри- и межведомственная переписка, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Управления уполномоченного Совнаркома СССР – Совета министров СССР по делам международных соглашений по беженцам и перемещенным лицам (ГА РФ. Ф. 9526). В их число входят протоколы заседаний комитетов ООН, отчеты, в частности, Комитета по делам беженцев и перемещенных лиц

³¹ Museum of Russian culture in San-Francisco // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mrcsf.org/ru_home/

³² United States Holocaust Memorial Museum // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ushmm.org/>

³³ Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

³⁴ Конвенция о статусе беженцев 28 июля 1951 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unhcr.ru/fileadmin/files/docs/Documents>

³⁵ Генеральная ассамблея ООН // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/1/docs/1res.shtml>

³⁶ Устав международной организации по делам беженцев (1946 год) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unhcr.ru/doc/1-1.doc

³⁷ American Jewish Committee. Americanizing Our Immigration Laws. New York, 1949.

(ЮНРРА), Специального комитета по беженцам и перемещенным лицам и др. Особую ценность имеют также делопроизводственные документы эмигрантских организаций, работавших за рубежом в период с 1945 по 1952 гг., например, отчеты, протоколы, записки «Общества русских зарубежных юристов» (ГА РФ. Ф. 10017).

В ГА РФ выявлены документы, содержащие сведения о жизни в лагере в Менхегофе семьи Болдыревых (ГА РФ. Ф. 10055), включая материалы о деятельности К. В. Болдырева – председателя Северо-Американского отдела НТС, возглавлявшего Центр управления лагерей ДиПи. Среди них – финансовые документы, приказы, докладные записки, составленные лично К. В. Болдыревым или его заместителями.

Третью группу составляют публицистические материалы – книги, брошюры, сборники, газетные и журнальные статьи. Их авторами являются представители русских общественных и политических организаций второй волны эмиграции. Так, В. Д. Поремский одним из первых исследовал численность второй волны эмиграции, показал картину размещения эмигрантов по странам, выявил трудности, с которыми сталкивались исследователи истории послевоенной эмиграции, включая особенности национальной иммиграционной статистики, нежелание многих перемещенных лиц заявлять о принадлежности к русским из-за угрозы насильственной репатриации и т. д.³⁸

Публикации бывшего обитателя лагеря для перемещенных лиц в Германии, участника русского корпуса Б. Н. Ширяева «Ди-Пи в Италии: записки продавца кукол»³⁹, «Неугасимая лампада»⁴⁰ представляют значительный научный интерес в связи с анализом повседневной жизни в лагерях для перемещенных лиц в Италии. Автор подробно описывает быт, социально-культурную и духовную жизнь людей, особое внимание уделяется роли католической церкви в оказании помощи ДиПи.

Сборник опубликованных документов из серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» имеет одиннадцать выпусков, в которых также содержатся публицистические материалы о судьбах представителей второй волны эмиграции – Ф. М. Легостаева, Н. А. Троицкого, Д. В. Константинова, К. Ф. Штеппы, Е. Т. Федукевича, В. Г. Фурсенко и др., многие из которых были в числе перемещенных лиц.⁴¹

³⁸ Поремский В. Д. Политическая миссия российской эмиграции. Посев. 1954; *Он же*. Стратегия антибольшевицкой эмиграции. М., 1998.

³⁹ Ширяев Б. ДиПи в Италии: записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952.

⁴⁰ Ширяев Б. Неугасимая лампада. NY, 1954.

⁴¹ Попов А. В. Фонд Н.А. Троицкого в ГАРФ / Материалы к истории русской политической эмиграции. М., 1994; В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997.

Важное значение для изучения исследуемой проблемы имеет эмигрантская периодическая печать. На страницах таких журналов, как «Наше время», «Русская жизнь», издававшихся в Сан-Франциско, содержится информация о повседневной жизни в лагерях ДиПи и о трудностях адаптации в новых странах после расселения новых эмигрантов.

Если говорить о неопубликованных источниках, то ценным материалом для изучения общественно-политической и культурной жизни русской эмиграции, проблем ее социально-экономической и правовой адаптации, а также различных аспектов повседневности русской диаспоры за рубежом является информация, размещенная на страницах дипийской периодической печати в фонде «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций» (ГА РФ. Ф. 10017). В нем были выявлены издания таких организаций, как «Российский имперский союз», «Общеказачья станица в лагере Шлайсхайм», а также информационные бюллетени Правления Центрального представительства российской эмиграции, отдельные номера журналов «Православная Русь», «Русские еженедельные новости» (Шлайсхайм), «Слушай», «Явь и быль», «На переломе», «Огни», «Веселый листок» за 1946-1949 гг. Кроме того, особый интерес представляют выявленные автором подлинные экземпляры школьных учебников дипийского периода по истории, родиноведению и стереометрии, хранящиеся в составе Коллекции.

Четвертую группу составляют мемуары и воспоминания, которые являются ценным источником для изучения жизни перемещенных лиц, позволяющим реконструировать дипийскую повседневность через ее восприятие непосредственными участниками тех событий. В их числе сборник воспоминаний обитателей лагерей перемещенных лиц «Наставникам, хранившим юность нашу...»⁴². Духовную жизнь в лагерях для перемещенных лиц, влияние церкви на жизнь ДиПи раскрывают в своих воспоминаниях А. Аристов⁴³, протоирей Андрей Папков⁴⁴, писатель-репатриант Ю. Г. Слепухин.⁴⁵

Материалы (воспоминания, записки и др.) в личном фонде Р. В. Полчанинова (ГА РФ. Ф. 10017), который жил в лагерях для перемещенных лиц, а затем переехал в Америку, содержат ценную информацию о повседневной жизни в лагерях, культуре и досуге проживавших в них обитателей.

⁴² «Наставникам, хранившим юность нашу...». Вашингтон - Москва, 2012.

⁴³ Аристов А. Беженский лагерь ГАНГХОФЕРИДЛУНГ // Судьбы поколения 1920-1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С.54-63.

⁴⁴ Беседа с протоиереем Андреем Папковым // Троицкое наследие. 2010. № 3. С. 14-29.

⁴⁵ Слепухин Ю. Г. Южный Крест. М., 1987.

В работе были также использованы записки, дневники, автобиографии из личного фонда известного историка С. Г. Пушкарева (ГА РФ. Ф. 5891), семья которого с 1945 по 1949 гг. находилась в лагерях Германии.

Ценность изучения мемуаров и личных воспоминаний заключается в том, что через них можно проследить судьбу отдельного человека, начиная с первых дней его пребывания в лагере и до момента, когда он покинул чужую страну, понять его отношение к родине на протяжении всего периода пребывания за рубежом.

Названные источники дают возможность реконструировать в основных чертах историю повседневности в лагерях ДиПи, глубже разобраться в проблемах, с которыми сталкивались их обитатели, показать различные аспекты социально-экономического положения, политической и культурной жизни перемещенных лиц, процессов их адаптации на различных этапах жизненного цикла.

Научная новизна определяется прежде всего постановкой проблемы. Это первая в отечественной историографии попытка комплексно проанализировать социально-экономические характеристики и культурно-досуговые практики в лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг., международные и общественные механизмы поддержки дипийцев, а также модели их социальной адаптации к новым условиям послевоенного времени. Исследование позволило под новым ракурсом взглянуть на события послевоенного времени и реконструировать основы повседневной жизни в лагерях ДиПи.

В работе осуществлен всесторонний анализ деятельности международных и русских эмигрантских организаций по расселению и урегулированию правового статуса перемещенных лиц в послевоенные годы, что также составляет новизну исследования.

В диссертации впервые показаны особенности социально-экономической составляющей повседневности лагерей перемещенных лиц, которая включает в себя материальные условия проживания, характер занятости и формы оплаты труда, медицинское обслуживание, организацию лагерного быта и т.д. Научная новизна определяется также тем, что в ней впервые анализируется система школьного и высшего образования в лагерях для перемещенных лиц, делаются необходимые выводы и анализируются уроки.

Изучение материальной и бытовой сфер жизни в европейских лагерях для перемещенных лиц проводилось на базе концепций по микроистории и истории повседневности, что позволило через исследование индивидуальных

повседневных практик воссоздать целостную картину повседневности в лагерях ДиПи.

Научная новизна исследования также обеспечена введением в научный оборот новых источников, в том числе ранее не опубликованных архивных материалов.

На основе глубокого анализа различных источников были сделаны обоснованные выводы и обобщения, которые дают возможность лучше понять международные проблемы нормализации жизни в послевоенной Европе и участия в этом процессе СССР.

Всесторонний анализ исследуемой проблемы позволил наиболее полно представить общую картину повседневной жизни в лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг., что составляет бесспорную новизну работы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что фактический материал, результаты и выводы данной диссертации существенно углубляют научные знания по вопросам повседневности в лагерях для перемещенных лиц; они могут стать концептуальной основой для их дальнейшего изучения. Благодаря введению в научный оборот большого числа фактологического материала появилась возможность заполнить существующие пробелы как в истории изучения жизни лагерей перемещенных лиц, так и истории формирования второй волны эмиграции.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена содержащимися в нем оценочными и фактическими данными о повседневной жизни наших соотечественников в лагерях для перемещенных лиц, открытием малоизученной и малоизвестной страницы их истории в исследуемые годы. Материалы диссертации способствуют приращению знаний как в области истории Российского зарубежья, так и истории XX века в целом. Положения и выводы диссертации могут быть использованы в научной и педагогической работе при написании монографий, учебных пособий и учебных курсов по истории России, истории повседневности. Материалы диссертации будут полезны при подготовке различных государственных документов, в том в области миграционной политики Российской Федерации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Последствием Второй мировой войны как любого глобального военного конфликта стало появление мощных миграционных потоков, которые были связаны с репатриацией военнопленных, беженцев и перемещенных лиц. Для обустройства перемещенных лиц и последующего

регулирования миграционных процессов из Европы в третьи страны были созданы международные организации, такие, как ЮНРРА и ИРО, чьи полномочия распространялись на оккупационные зоны союзников в Европе.

2. К концу войны за пределами СССР находилось 5 млн. советских граждан, из которых 3 млн. – в зоне действия союзников в Западной Германия, Франции, Италии и др.; около 2 млн. – в зоне действия Красной Армии в Восточной Европе. Это были т.н. «восточные рабочие» (остарбайтеры), принудительно угнанные в Германию, военнопленные, коллаборанты, нацистские пособники, семьи беженцев. В основном – русские, украинцы, евреи, а также представители других национальностей. В западных зонах союзников оказались также русские эмигранты первой волны. Все это были перемещенные лица, которые разделились на возвращенцев – тех, кто мечтал вернуться на родину, и невозвращенцев.

3. В оккупационных зонах европейских стран под контролем ЮНРРА была создана система лагерей для перемещенных лиц – всего около 1500, с собственной структурой управления. Основная часть лагерей ДиПи располагалась на территории Германии, а также в Австрии, Италии, Греции, куда стекались большие потоки беженцев из Восточной Европы.

4. В большинстве лагерей существовали тяжелые бытовые условия, а медицинское обслуживание, качество питания часто не соответствовали нормам, прописанным в Уставе ЮНРРА, а позже ИРО. Хотя были и исключения: на территории Германии; например, в лагерях Келлерберг и Менхегоф существовали достаточно комфортные условия проживания. Труд перемещенных лиц использовался в сельском хозяйстве, на городских общественных работах, на транспорте. Труд оплачивался, в установленном порядке по линии международных организаций люди обеспечивались продовольствием, одеждой, медикаментами. На материальное положение дипийцев, их социально-экономическую повседневность положительно влияло наличие внутренней денежной единицы, которая позволяла иметь дополнительные финансовые средства. Однако это относилось главным образом к литовским, польским и еврейским лагерям.

5. Часть обитателей лагерей перемещенных лиц составляли дети и молодежь, с которыми проводилась воспитательная и патриотическая работа, в том числе через организацию скаутского и разведческого движений, популярных в эмигрантской среде и направленных на недопущение денационализации, на сохранение русского языка и традиций за рубежом. Дипийцам удалось создать также собственную систему начального, среднего и высшего образования. В лагерях создавались детские сады, работали начальные школы, гимназии. В Мюнхене был создан специальный

Университет, официальным учредителем которого стала ЮНППА. С появлением университета у молодежи появилась возможность кроме начального и среднего получить также высшее образование. Благодаря сформированной в лагерях перемещенных лиц системе образования дети и молодежь получили шанс на лучшее будущее.

6. Составной частью повседневности лагерей перемещенных лиц являлись культурные практики. К их числу относилась издательская деятельность, благодаря которой лагеря обеспечивались художественной, в том числе детской, учебной, научной, общественно-политической литературой и периодикой.

7. Важную роль в организации повседневной жизни играло духовенство лагерей перемещенных лиц, представители которого оказывали моральную поддержку и одновременно спасали от репатриации, помогали невозвращенцам в расселении по разным странам. В данном процессе активно участвовали как Русская православная церковь за рубежом, так и католическая церковь, Всемирный Совет объединенных церквей, продолжавшие опекать переселенцев в эмиграции. Своих соотечественников, избравших путь невозвращенчества, активно поддерживали также организации Российского зарубежья.

Достоверность результатов исследования обеспечивается благодаря привлечению различных источников и литературы по исследуемой проблеме, всестороннему и глубокому анализу работ по истории повседневной жизни в лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг. на русском и английском языках, а также комплексным использованием имеющихся принципов исследования и научных методов.

Апробация исследования. Вынесенные на защиту положения диссертации прошли научную апробацию в Российском университете дружбы народов. Автором опубликованы 9 работ по теме исследования, в том числе в трёх статьях в научных журналах, включённых в перечень ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Основные положения и выводы исследования были представлены и апробированы в виде докладов на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, в том числе XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Великая Отечественная война: Актуальные проблемы современной исторической науки» (Москва, 2011 г.), XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «СНГ: развитие и перспективы» (Москва, 2012 г.), VIII Всероссийском фестивале науки в Москве (2013 г.), XVI Всероссийской научно-практической

конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Россия и мир: история, политика, культура, образование» (Москва, 2014 г.) и др.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории России Российского университета дружбы народов и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы; определяются объект и предмет, выявляются цель и задачи; проанализированы источники и степень изученности темы; обосновываются хронологические рамки работы, показаны принципы и методы исследования; раскрывается научная новизна.

Первая глава диссертации **«Беженцы и перемещенные лица после Второй мировой войны как международная проблема»** посвящена выявлению и анализу международного опыта решения проблемы беженцев и перемещенных лиц в послевоенный период, определению роли международных и эмигрантских организаций в расселении и урегулировании правового статуса ДиПи; рассмотрению численности, социального и национального состава перемещенных лиц; выявлению специфики деятельности лагерей перемещенных лиц, определению их структуры и локализации.

В первом параграфе *«Разрешение проблемы беженцев и перемещенных лиц в международных организациях»* проанализированы вопросы правового статуса беженцев и перемещенных лиц, раскрыта деятельность таких международных организаций, как ЮНХРА и ИРО, а также различных зарубежных эмигрантских структур по вопросам расселения и урегулирования правового статуса ДиПи.

В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что к окончанию Второй мировой войны сложились две разные категории обитателей лагерей ДиПи – беженцы и перемещенные лица, имевшие разный правовой статус. Беженцами, согласно международным документам, являлись жертвы нацистского или фашистского режимов, жертвы преследований по расовым, религиозным, национальным признакам или политическим причинам, а также те, кто был в статусе беженца до начала Второй мировой войны.

Перемещенным считалось лицо, которое в результате действия властей было принудительно вывезено или вынуждено покинуло свою родину или страну проживания.

Диссертант доказывает, что правовая система, распространявшаяся на перемещенных лиц и беженцев, имела много пробелов и потому часто не

было возможности помочь или защитить человека в непростой ситуации. Вместе с тем, деятельность по линии таких международных организаций, как ЮНРРА и ИРО, несмотря на ограниченный и часто недостаточный объем средств, сыграла важную роль в удовлетворении повседневных потребностей перемещенных лиц в период их проживания в лагерях. Кроме того, свою помощь в урегулировании правового статуса перемещенных лиц, отстаивании их права не возвращаться на родину оказывали различные эмигрантские структуры, деятельность которых свидетельствовала о проявляемой солидарности с соотечественниками, оказавшимися в сложной жизненной ситуации.

Во *втором параграфе «Состав перемещенных лиц в европейских государствах»* анализируется вопрос численности, социального и национального состава перемещенных лиц. Как показано в параграфе, на оккупированной территории Германии к окончанию войны находилось около 8 млн. перемещенных лиц. Общее число советских граждан, которые оказались вследствие войны за границей, составляло около 5 млн. человек, из которых впоследствии в ходе репатриации вернулись в СССР 4,5 млн.

В лагерях ДиПи после войны проживали представители разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, евреи, грузины армяне, азербайджанцы, татары, узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, калмыки, башкиры, поляки. Большинство из них оказалось на территории Германии в статусе военнопленных или «восточных рабочих». В числе перемещенных лиц были также власовцы, коллаборанты, и те, кто не желал возвращаться в СССР по политическим причинам.

Диссертант отмечает, что перемещенные лица разделялись на возвращенцев – тех, кто хотел вернуться на родину, и невозвращенцев. Большинство было возвращено в СССР. Оставшиеся за рубежом впоследствии определили в качестве места своего постоянного проживания страны Северной и Южной Америки, Австралию и др.

В *третьем параграфе «Создание лагерей для перемещенных лиц: локализация и численность»* раскрывается история создания лагерей для перемещенных лиц, выявляется специфика их деятельности, а также структура, численность и локализация. В этой связи в параграфе показано, что при активном участии ЮНРРА была создана система лагерей перемещенных лиц. Всего было создано около 1500 лагерей, в том числе в советской зоне оккупации, расчетная пропускная способность которых составляла 4,5 млн человек. Кроме оккупационных зон Германии, наибольшее число лагерей находилось на территории Австрии и Италии.

Самыми крупными дипийскими центрами в Германии были лагеря Менхегоф, Шляйсгейм, Фюссен, Фишбек; в Австрии – Келлерберг; в Италии – лагеря под Римом, Римини, Болоньей.

Диссертант доказывает, что процесс создания и структурирования системы лагерей для перемещенных лиц происходил в достаточно короткие сроки, что было связано с желанием многих стран максимально быстро вернуть на родину своих соотечественников. По мере расселения дипийцев количество лагерей сокращалось.

Автор отмечает, что в советской зоне оккупации контроль за процессом создания лагерей и репатриацией осуществлялся специально созданным в 1944 г. Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генералом Ф. И. Голиковым; союзники – англичане и американцы помогали советской стороне только с оплатой расходов. В западной зоне оккупационные войска организовывали лагерный порядок при содействии международных организаций – ЮНРРА, а позже ИРО. Структура управления лагерей в этих зонах имела разветвленный характер и включала в себя генерального директора ЮНРРА, представителей военной администрации оккупационных зон, органов местного управления по делам перемещенных лиц, начальников лагерей.

Во **второй главе** диссертационного исследования **«Социально-экономическая характеристика повседневности лагерей для перемещенных лиц»** раскрываются особенности быта, характер трудовой занятости и материального положения людей, находившихся в лагерях для перемещенных лиц.

В *первом параграфе «Трудовая занятость и быт обитателей лагерей»* проводится анализ трудовой деятельности людей в период пребывания их в статусе ДиПи, раскрываются санитарные и бытовые условия их проживания в лагерях.

В параграфе показано, что вопрос трудовой занятости в лагерях ДиПи стоял крайне остро. Перемещенные лица имели возможность для трудоустройства на полевых, ремонтных работах, на стройках, продовольственных складах, получая за это незначительное материальное вознаграждение. При этом постоянно существовал дефицит рабочих мест. В германском городе Кемптен, например, при содействии ЮНРРА была организована биржа труда для ДиПи, но и там вакансий было крайне мало, что сказывалось на скудном материальном положении дипийцев. В результате многие обитатели лагерей держали огороды, собственное домашнее хозяйство. Нередко люди вынуждены были прибегать к торговле на черном рынке.

В работе доказано, что бытовые условия проживания в лагерях были довольно сложными, особенно в Кемптене, Регенсбурге, Ротвестене, Фюрстенвальде, Циренберге, Фюссене – в Германии; Баньоли, Чина-Читта, Римини – в Италии и др. Бараки, в которых находились дипийцы, не были приспособлены для нормального проживания людей, существовали проблемы с медицинским обслуживанием из-за нехватки квалифицированных кадров и медикаментов. И только с питанием дела обстояли несколько лучше: в рацион входили все необходимые для жизнедеятельности продукты.

В этой связи автор делает вывод о том, что в большинстве лагерей для перемещенных лиц санитарные и бытовые условия не соответствовали нормам, прописанным в Уставе ЮНРРА, а позже ИРО, хотя были и исключения. К их числу следует отнести лагеря Келлерберг, Менхегоф и Шлайсхайм в Германии, где были созданы достаточно комфортные бытовые условия, о чем свидетельствуют воспоминания их обитателей.

Во *втором параграфе «Материальные условия жизни ДиПи»* представлен анализ существовавшей денежной системы в некоторых лагерях для перемещенных лиц. В этой связи диссертант отмечает, что наиболее успешно финансовые вопросы решались в лагерях, где проживали перемещенные лица из числа евреев и литовцев. К ним, в частности, относились лагеря Нордлинген, Луитпольд, Людвиг, Бад-Вёрисхофен, Шайнфилд в Германии. В этой связи, как показано в параграфе, британские власти поощряли использование внутренних денег в качестве оплаты труда обитателей лагеря в номиналах 1, 2, 5, 10, 20 единиц, которые печатались на принтерах на иврите, литовском и английском языках. Одновременно австрийское подразделение ЮНРРА выпускало денежные купюры номиналом в 1, 5, 10 и 20 единиц для использования в австрийских лагерях.

На территории Германии в лагерях, где проживали евреи, существовал самый массовый оборот дипийских денежных средств. Основанный во время Первой мировой войны Американо-Еврейский Объединенный Распределительный Комитет (AJDC) в период с 1945 по 1952 гг. потратил 342 млн долларов на реабилитацию 250 тыс. евреев. Благодаря Комитету было выпущено три варианта денежных средств: два – для использования в лагерях на территории Европы и один – на острове Кипр.

Далее автор доказывает, что существовавшая в лагерях внутренняя денежная система оказывала влияние на повседневную жизнь перемещенных лиц. Для людей это были такие же деньги, как доллары и фунты; они могли их зарабатывать и тратить, давать в долг, проигрывать в карты и т. д. Но их использование ограничивалось пределами одного лагеря, в котором и

печатались эти деньги, хотя мог быть обмен с другими лагерями, также имевшими свою внутреннюю валюту.

Третья глава диссертации «**Культурные практики повседневности лагерей ДиПи**» посвящена анализу вопросов образования, а также реконструкции духовной жизни и культурных практик повседневности перемещенных лиц как условий их адаптации и выживания.

В первом параграфе «*Школьное и высшее образование в лагерях ДиПи*» проводится анализ системы образования и воспитания детей и молодежи, сложившейся в разных лагерях перемещенных лиц. Автор отмечает, что в них создавались детские сады, практиковалось начальное и среднее образование. Так, в лагере Менхегоф были созданы Русская гимназия имени М. В. Ломоносова и курсы на аттестат зрелости для молодежи, которая из-за войны не смогла получить среднее образование. В лагере Шлайсхайме существовало две гимназии. К весне 1946 г. была создана гимназия православной общины Св. Кирилла и Мефодия в Пассау, в которой в 1947-1948 гг. было организовано 10 классов: 3 класса начальной школы и 7 классов гимназии с изучением церковнославянского языка. Наряду с начальным и средним образованием было организовано и высшее образование. В частности, в Мюнхене был создан Университет, официальным учредителем которого стала ЮНРРА во главе с командующим 3-й американской армией Л. Траскоттом. Он назывался университет ЮНРРА – International University UNRRA in Munich, под который было отведено здание Немецкого музея на берегу реки Изар.

В параграфе показано, что в большинстве учебных заведений не хватало пособий и учебников, но при этом они не нуждались в преподавателях или учениках. Среди преподавателей были образованные педагоги, в основном представители первой волны русской эмиграции, носители традиций дореволюционной системы образования. В школах работали различные кружки для учеников, подготовительные курсы, выпускались собственные учебники и учебные пособия. Однако имелись и многочисленные трудности, с которыми сталкивались школы и которые анализируются автором в данном разделе диссертации.

Почти в каждом лагере велась важная внеучебная работа с молодежью, устраивались литературные и театральные вечера, концерты и т.д.

Диссертант доказывает, что дипийцам удалось выстроить весьма функциональную и результативную систему образования, которая оказала влияние на поведенческие практики молодежи, прежде всего такие, как получение образования, выбор профессии, а также на формирование моделей жизненных устремлений в будущем.

Во втором параграфе «Место религии и церкви в духовной жизни дипийцев» автор анализирует вопросы духовной жизни в лагерях для перемещенных лиц, раскрывает формы помощи, которую оказывали им представители различных конфессий. В этой связи автор отмечает, что в исследуемые годы большую роль сыграли религия и церковь. В первое время после окончания войны Русская православная церковь за рубежом заручилась поддержкой подавляющего большинства русских перемещенных лиц, находившихся в лагерях ДиПи. Впоследствии это дало ей право получить статус Церкви беженцев.

В параграфе в этой связи показано, что русское православное духовенство оказывало постоянное содействие перемещенным лицам, предоставляло им духовную и безвозмездную материальную помощь, благодаря чему в дальнейшем русские эмигранты второй волны смогли сохранить свою идентичность, находясь далеко от родины. Так, в лагере Шлайсхайм количество русских ДиПи составляло примерно 2,5 тыс. человек. Среди них было три митрополита, два архиепископа, 22 священника. Ежедневно в лагере проходили богослужения в Свято-Михайловском храме с участием двух архиерейских хоров, каждый из которых насчитывал до 50 человек. В лагере Фишбек к 1948 г. было 17 приходов с церквями, в которых служили 24 священника.

В Австрии в послевоенные годы центром русской православной жизни стал город Зальцбург. Здесь по распоряжению митрополита Серафима было организовано Епархиальное управление русских православных приходов во главе с протоиреем Феодором (Раевским). В 1945 г. православные приходы возникли в лагерях для перемещенных лиц в Южной Австрии – Штирии, Каринтии и Восточном Тироле.

Одновременно автор отмечает, что римская католическая церковь и, в частности, Ватикан также приняли активное участие в судьбах русских дипийцев и беженцев; они активно содействовали отправке части перемещенных лиц в Канаду и США. Так, ректор Русской католической семинарии Руссикум отец де Режиc помогал и проповедовал в лагерях для перемещенных лиц в Риме. Большой вклад в духовную жизнь ДиПи в Зальцбурге внес Ювеналий Кубенский, православный священник, перешедший в католичество византийского обряда. Немецкий священник Эрвин Иммекус, паллотинец, работал среди русских и украинских перемещенных лиц в лагерях Эссена Рурской области. Для оказания помощи в германских и австрийских лагерях ДиПи были созданы специальные клубы Христианского союза молодых людей, которые отвечали за организацию кружков, спортивных мероприятий, досуга дипийцев.

Диссертант доказывает, что представители различных религиозных конфессий и прежде всего РПЦ, католическая церковь сыграли важную роль в организации помощи перемещенным лицам в лагерях в Западной Европе, а также в процессе их социокультурной адаптации после расселения в третьи страны.

В *третьем параграфе «Досуг в лагерях для перемещенных лиц»* проводится анализ досуговой жизни в лагерях ДиПи. В этой связи диссертант отмечает, что в лагерях создавались различные профессиональные объединения инженеров, ученых, поэтов, музыкантов; а также клубы, хоровые и танцевальные студии, открывались библиотеки. Так, в лагере Парш в Австрии, где проживало около двух тысяч русских, имелись три оркестра – камерный и два танцевальных, своя радиостанция и библиотека. Футбольная команда лагеря Парш славилась на всю Австрию, хотя в официальных турнирах дипийцы не участвовали. Шахматный клуб также был сильнейшим в городе. В немецком лагере в Регенсбурге были созданы церковный и светский хоры. Здесь постоянно проводились лекции по хлебопечению, виноделию, птицеводству и т.д., что могло также пригодиться людям в их повседневной жизни.

Далее в параграфе показано, что благодаря развернувшейся в лагерях издательской деятельности, появлению русскоязычных книг и журналов, появилась возможность сохранять связь с родиной и не терять собственной идентичности в иноязычной среде. В тяжелых условиях лагерей русскими энтузиастами было основано около 50 издательств, из которых наиболее известными были «Златоуст», «Эстет», «Прометей», «Медный всадник», «Копейка», «Н. Парамонова», «Родник», «Родина» и др. Всего в лагерях перемещенных лиц выходило около 650 газет и журналов на русском языке. Многие дипийские лагеря также выпускали небольшим тиражом информационные бюллетени, тиражи которых варьировались от 50 до 100 экземпляров.

Кроме того, на территории лагерей сталкивались интересы различных политических сил, велась активная про- и антисоветская информационная пропаганда на страницах периодических изданий, которая, в свою очередь, оказывала влияние на повседневную жизнь обитателей. В Восточном Берлине советское правительство наладило издание газеты «За возвращение на родину», им также распространялась пропагандистская литература (например, пьеса С. Михалкова «Я хочу домой»).

Как показано в разделе, среди молодежи в лагерях, где проживали представители первой волны русской эмиграции, большой популярностью пользовались скаутизм и гайдинг. Эти направления пытались развивать с

разных сторон, вовлекая в них все большее число детей, что являлось важным фактором в досуговой жизни молодого поколения дипийцев.

В заключении диссертант формулирует полученные выводы и обобщает основные результаты работы.

Проведенный анализ правового положения беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Европе позволяет говорить о международном характере проблемы. Для ее разрешения были созданы международные организации ЮНРРА и ИРО. Одним из важных аспектов в мировой практике стало разделение понятий «перемещенное лицо» и «беженец». В зависимости от того, какой статус получал человек, он приобретал и определенные права, и защиту. Но в любом случае, с точки зрения правового статуса, беженцы и перемещенные лица находились в неопределенном правовом положении, т. к. у них не было ни удостоверений личности, ни конкретных организаций, куда бы они могли обратиться со своими повседневными проблемами. Союзные государства не смогли за небольшой период наладить эффективную систему по обеспечению правовой защиты беженцев и ДиПи и прийти к согласию по вопросам расселения и возвращения людей на родину. Но при этом была создана удачная модель послевоенной адаптации таких людей через систему лагерей для перемещенных лиц, что было связано с желанием многих государств оказать посильное содействие гражданам в возвращении их в страны происхождения.

После окончания войны одной из главных задач для оккупационных властей оказался вопрос создания лагерей для перемещенных лиц на территории Германии, Австрии, Италии, Греции, которые должны были стать временным убежищем до репатриации людей на родину. Всего было создано около 1500 лагерей, но по мере расселения перемещенных лиц их количество сокращалось. Лагеря ДиПи действовали под эгидой английской и французской администраций. В структуру управления лагерями входили представители ЮНРРА, а позже ИРО, военной администрации оккупационной зоны, органов местного управления по делам перемещенных лиц, начальники лагерей. Отвечавшие за судьбу ДиПи международные организации занимались обеспечением лагерей продовольственными пайками, медикаментами, оказывали содействие в трудоустройстве людей, боролись за их право на возвращение или переселение в другое государство.

На основе проведенного анализа истории повседневной жизни в лагерях для перемещенных лиц можно сделать вывод о том, что руководство оккупационных войск не смогло обеспечить комфортную жизнь их обитателей. Важно отметить, что на фоне дальнейшей политизации русской эмиграции в лагерях велась активная антисоветская пропаганда, развернутая

в рамках начавшейся холодной войны. Со стороны оппонентов СССР ширилось движение против репатриации, за переселение в третьи страны перемещенных лиц, включая коллаборантов, спасавшихся от возмездия советского правосудия. Подобная антисоветская пропаганда, которая велась англичанами и американцами, не могла не отразиться на моральном состоянии людей, готовившихся к возвращению на родину. В целом именно различие в отношении к репатриации у возвращенцев и невозвращенцев определяло качество их жизни и морального состояния в лагерях: первые находились под постоянным психологическим давлением, пытались выжить на чужой территории, предпринимали меры для возвращения на родину. Дипийцы-невозвращенцы, испытывая те же неудобства, пытались привыкнуть к новой жизни, обустроить свой быт, наладить культурный досуг, дать образование детям. Это говорит о том, что они воспринимали свое положение как долговременное, а некоторые были готовы довольствоваться только им во избежание возвращения на родину.

Автор приходит к выводу о том, что важнейшей чертой повседневности лагерей перемещенных лиц была борьба за нормальные бытовые условия, материальное вознаграждение за труд, образование детей, организацию культурного досуга в рамках своего локального лагерного мира. Принципиальным был также вопрос, связанный с выстраиванием стратегии в отношении политики репатриации и в этой связи коммуницирования с различными институциональными структурами и их представителями на местах.

Изучение повседневности лагерей ДиПи позволило выяснить не только мотивацию поведения людей в условиях лагерной жизни и выбора ими своей дальнейшей судьбы, но и реакцию международных, государственных, религиозных организаций на феномен «невозвращенчества» советских перемещенных лиц и зарождение новой волны русской эмиграции.

Основные результаты работы изложены в следующих публикациях:

а) Статьи в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Котова Т. А.* Повседневная жизнь в лагерях для перемещенных лиц в Германии (по личным воспоминаниям их обитателей) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2015. № 1. С. 69-80. (0,4 п.л.)

2. *Котова Т. А.* Деятельность католических миссий по оказанию помощи перемещенным лицам в послевоенный период // Вестник РУДН. Серия «История России». 2015. № 4. С. 45-54. (0,4 п.л.)

3. *Котова Т. А.* Проблема урегулирования правового статуса беженцев и перемещенных лиц // Вестник РУДН. Серия «История России». 2016. № 2. С. 45-54. (0,4 п.л.)

б) Статьи в прочих изданиях:

4. *Котова Т. А.* Образ Родины в представлении советских перемещенных лиц // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010. М.: Изд-во ЭКОН-ИНФОРМ, 2010. С. 111-115. (0,3 п.л.)

5. *Котова Т. А.* Участие духовенства РПЦЗ в судьбе перемещенных лиц в послевоенный период // Великая Отечественная война: Актуальные проблемы современной исторической науки: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 15 апреля 2011 г. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 43-46. (0,2 п.л.)

6. *Котова Т. А.* Периодическая печать и издательская деятельность в лагерях для перемещенных лиц // Система образования в странах СНГ: развитие и перспективы: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 13 апреля 2012 г. М.: Изд-во РУДН, 2012. С. 148-153. (0,3 п.л.)

7. *Котова Т. А.* Проблема адаптации советских военнопленных и оstarбайтеров в лагерях для перемещенных лиц // Особенности российской модернизации: прошлое и настоящее: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 30 апреля 2013 г. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 57-65. (0,9 п.л.)

8. *Котова Т. А.* Система образования в лагерях для русских перемещенных лиц в Германии как фактор повседневной жизни беженцев // VIII Всероссийский фестиваль науки в Москве, 11-12 октября 2013 г.: сборник научных статей студентов и аспирантов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов / под. ред. Р. Е. Сафир. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 59-72. (0,7 п.л.)

9. *Котова Т. А.* Роль международных и русских эмигрантских организаций в урегулировании положения послевоенных беженцев // Россия и мир: история, политика, культура, образование: Материалы XVI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 16 апреля 2014 г. М.: РУДН, 2014. С. 200-210. (0,4 п.л.)

КОТОВА Татьяна Александровна (Россия)
Повседневная жизнь в европейских лагерях для
перемещенных лиц в 1945-1952 гг.

Диссертационное исследование посвящено комплексному изучению социально-экономических характеристик и культурно-досуговых практик в лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг. В ней проанализированы международные и общественные механизмы поддержки депортированных, а также модели их социальной адаптации к новым условиям послевоенного времени.

Исследование позволило под новым ракурсом взглянуть на события послевоенного времени и реконструировать основы повседневной жизни в лагерях ДиПи.

KOTOVA Tatiana Aleksandrovna (Russian Federation)
Everyday life in the European camps for
displaced persons in 1945-1952.

The thesis is devoted to a comprehensive study of socio-economic characteristics, cultural and recreational practices in camps for displaced persons in 1945-1952. It analyzes the international and public mechanisms for supporting the DPs, as well as models for their social adaptation to the new post-war conditions.

The study allowed a new perspective to look at the events of the postwar period and reconstruct the foundations of everyday life in the camps of the DP.